

ГЮСТАВ

ФЛОБЕР

ГЮСТАВ
ФЛОБЕР

✧
Бувар и Пекюше.
Лексикон прописных истин

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Ф73

Серия «Зарубежная классика»

Перевод с французского *И. Мандельштама* и *Т. Ириновой*

Серийное оформление и дизайн обложки *Р. Алеева*

Флобер, Гюстав.

Ф73 Бувар и Пекюше; Лексикон прописных истин : [сборник] / Гюстав Флобер ; [перевод с французского И. Мандельштама, Т. Ириновой]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 416 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-17-187917-4

Сойдясь на почве интереса к науке и любви к деревне, два парижских переписчика, Бувар и Пекюше, решают променять французскую столицу на провинциальную глубинку. Переехав за город, они посвящают жизнь «научным штудиям»: устраивают дома музеев археологических древностей, берут на воспитание детей каторжника, изучают историю по книгам Дюма и Вальтера Скотта. Но всякий раз их очередное увлечение заканчивается провалом...

Почти всю свою жизнь Флобер вынашивал идею романа, в котором «в пух и прах разнес» бы всю глупость современников. Ради него писатель изучал труды по химии, медицине, геологии, философии и теологии, но смерть помешала Флоберу закончить начатое, и «Бувар и Пекюше» так и остался незавершенным. В данное издание вошел также «Лексикон прописных истин» — составленный автором сатирический словарь принятых в его времена стереотипов, заблуждений, штампов и банальностей, которые «только и следовало говорить образованному человеку в благопристойном обществе».

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-187917-4

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Бувар и Пекюше¹

¹ Пер.: И. Мандельштам

I

Жара достигала тридцати трех градусов, и бульвар Бурдон был совершенно безлюден.

Пониже вытянулся в прямую линию замкнутый двумя шлюзами канал Сен-Мартен с водою чернильного цвета. Посредине стояла груженная дровами баржа, и на береговом откосе выстроились два ряда бочек.

По ту сторону канала, между домами, где расположены лесные склады, широкое чистое небо вырисовывалось лазурными квадратами, и в лучах солнца белые фасады, черепичные кровли, гранитные набережные слепили глаза. Смутный отдаленный гул стоял в теплом воздухе; и все словно оцепенело от воскресной праздности и грусти, свойственной летним дням.

Показались двое прохожих.

Один держал путь от Бастильи, другой — от Ботанического сада. Тот, что был выше, в парусиновом костюме, со шляпою на затылке, шагал, расстегнув жилет и неся галстук в руке. Другой, поменьше ростом, весь уйдя в коричневый сюртук, шел, понуриив голову под остроконечным козырьком картуза.

Дойдя до середины бульвара, они уселись одновременно на одну и ту же скамью.

Чтобы вытереть лоб, каждый из них снял свой головной убор и положил его рядом с собою; и низенький человек заметил на шляпе соседа надпись «Бувар»,

а тот без труда разобрал слово «Пекюше» на подкладке картуза у одетого в сюртук мужчины.

— Смотрите-ка, — сказал он, — мы с вами одно и то же придумали: написать свою фамилию на шляпах.

— Да, что поделаешь, мою могли бы обменять в конторе.

— Вот и у меня то же самое: я — служащий.

Тут они взглянули друг на друга.

Пекюше был сразу пленен приятной внешностью Бувара. Его голубые, всегда полузакрытые глаза улыбались на румянном лице. Панталоны с широким гульфом сморщились на войлочных башмаках и обтягивали живот, вздувая рубашку над поясом, а белокурые волосы, вившиеся легкими кольцами, придавали нечто детское его чертам. Губами он не переставая как бы насвистывал.

Бувара порастил серьезный вид Пекюше.

Его волосы можно было принять за парик — такие гладкие и черные пряди украшали высокий череп. Лицо казалось профилем со всех сторон, потому что нос опускался очень низко. Ноги в натянутых глянцевитых брюках были по длине непропорциональны туловищу; говорил он голосом зычным, глухим. У него вырвалось восклицание:

— Как хорошо теперь в деревне!

Но Бувар возразил, что пригород невыносим из-за кабацкого шума. Пекюше был того же мнения. Однако столичная жизнь начинала его утомлять, Бувара — тоже.

И глаза их блуждали по грудам тесаных камней, по отвратительной воде, где плавала охапка соломы, по торчавшей на горизонте фабричной трубе; миазмы поднимались от сточных вод. Они повернулись в другую сторону: перед ними выросли стены хлебных амбаров.

Положительно (и Пекюше был этим озадачен) на улице зной еще сильнее, чем дома. Бувар посоветовал ему снять сюртук. Сам он плюет на приличия.

Вдруг по тротуару прошел, выписывая кренделя, пьяный; они заговорили о рабочих, потом о политике. Взгляды у них оказались общие, хотя Бувар, пожалуй, был либеральнее.

На мостовой, в вихре пыли, раздалось громохание железа: три наемные кареты направлялись в Берси. Они везли невесту с букетом, мещан в белых галстуках, нескольких дам, утопавших в юбках, двух-трех девочек, школьника. Зрелище свадебного поезда навело Бувара и Пекюше на разговор о женщинах, которых они обвинили в легкомыслии, сварливости, упрямстве. Все же они часто лучше мужчин, а то бывают и хуже. Словом, умнее жить без них; потому Пекюше и остался холостяком.

— А я вдовец, — сказал Бувар, — и бездетен.

— Это, пожалуй, счастье для вас? Но одиночество в конце концов грустная вещь.

На набережной показались уличная девица и солдат. С бледным и рябым лицом, черноволосая, она опиралась на руку военного, шлепая туфлями и покачивая бедрами.

Когда она прошла мимо, Бувар позволил себе непристойное замечание. Пекюше густо покраснел и, желая, по-видимому, уклониться от ответа, показал ему глазами на приближавшегося священника.

Служитель церкви медленно шел по аллее тощих вязов, торчавших веками вдоль тротуара, и Бувар, лишь только треуголка скрылась из виду, заявил, что чувствует облегчение, ибо терпеть не может иезуитов. Пекюше, не оправдывая их, обнаружил к религии некоторое уважение.

Между тем надвигались сумерки, и в противоположном доме приподнялись ставни. Число прохожих увеличилось. Пробило семь часов.

Беседа их текла и не иссякала, анекдоты сменялись замечаниями, личные взгляды — философскими обобщениями. Они раскритиковали корпус инженеров путей сообщения, табачную монополию, купеческий мир, театры, отечественный флот и весь род человеческий, словно были людьми, перенесшими большие неприятности. Каждый из них, слушая другого, находил в нем свои собственные забытые черты. И хотя они вышли из возраста простодушных волнений, но испытывали новое удовольствие, своего рода расцвет, прелесть зацветающей нежности.

Раз двадцать они вставали с места, снова садились и ходили по бульвару от переднего шлюза до заднего, все собираясь уйти, но не имея сил расстаться, как бы замороженные.

Однако они уже прощались и держали друг друга за руки, как вдруг Бувар неожиданно сказал:

— А не пообедать ли нам вместе?

— И у меня была эта мысль, — ответил Пекюше, — но я не решался высказать ее.

И он согласился зайти в маленький ресторан против ратуши, где было неплохо.

Бувар заказал обед.

Пекюше боялся пряностей, они горячат кровь. Это послужило предметом медицинского спора. Затем они стали восхвалять преимущества наук: сколько вещей можно узнать, сколько исследовать... если иметь время! Увы, оно уходило на добывание хлеба. И они поднялись от удивления руки, они чуть было не обнялись над столом, когда оказалось, что оба — писцы. Бувар — в одном торговом доме, Пекюше — в морском министерстве, что не мешало ему каждый вечер посвящать

немного времени изысканиям. Он нашел ряд ошибок в сочинениях г-на Тьера и с величайшим уважением отзывался о некоем профессоре Дюмушеле.

Бувар превосходил его в других отношениях. По его сделанной из волос часовой цепочке и по манере, с какою он сбивал соус, в нем угадывался человек бывалый, и за едою, держа конец салфетки под мышкой, он рассказывал вещи, смешившие Пекюше. Это был своеобразный смех на одной очень низкой ноте, все на той же, и раздавался он с большими промежутками. Бувар смеялся сдержанно, звучно, скаля зубы, подбирающая плечи, и посетители при выходе оглядывались на него.

Пообедав, они отправились пить кофе в другое заведение. Пекюше, разглядывая газовые рожки, посетовал на излишества роскоши, затем презрительным жестом отодвинул газеты. Бувар относился к ним снисходительно. Он любил всех писателей вообще, а в молодости обнаруживал актерские задатки.

Взяв бильярдный кий и два шара слоновой кости, он хотел показать фокусы эквилибристики, которые проделывал один из его приятелей, Барберу. Шары неизменно падали и, катаясь по полу между ногами посетителей, исчезали в дальних углах. Официант каждый раз доставал их из-под скамеек, ползая на четвереньках, и наконец возроптал. Пекюше вступил с ним в спор. Явился хозяин, он не принял его извинений и даже стал придираться к тому, что им подавали.

Затем Пекюше предложил мирно закончить вечер у него в квартире; она находилась в двух шагах, на улице Сен-Мартен.

Как только они пришли, он напаялил на себя нечто вроде кофты из миткаля и показал гостю свою обитель.

Письменный стол соснового дерева стоял как раз посередине, и трудно было обходить его углы. Повсюду

вокруг — на полках, на трех стульях, на старом кресле и по углам — в кучу набросано было несколько томов «Энциклопедии» Роре, руководство для магнетизеров, Фенелон и другие книжки вперемешку с ворохом бумаг, два кокосовых ореха, различные медали, турецкий колпак и раковины, привезенные Дюмушелем из Гавра. Слой пыли покрывал, точно бархатом, стены, некогда выкрашенные в желтый цвет. Сапожная щетка валялась подле кровати, с которой свисали простыни. На потолке копоть от лампы образовала большое черное пятно.

Бувар попросил позволения открыть окно, по-видимому недовольный запахом.

— Бумаги разлетятся! — воскликнул Пекюше, боявшийся к тому же сквозняков.

Однако он задыхался в этой комнатушке, с утра накаляемой черепицами кровли.

Бувар сказал ему:

— На вашем месте я снял бы фуфайку.

— Что вы!

И Пекюше понурил голову в испуге, представив себе, как он останется без своего гигиенического жилета.

— Проводите меня домой, — продолжал Бувар, — на вольном воздухе вы освежитесь.

Пекюше опять натянул сапоги, бормоча:

— Вы меня околдовали, честное слово!

И, несмотря на расстояние, проводил его домой, на угол улицы Бетюн, что против моста Турнель.

Комната Бувара с хорошо навоощенным полом, ситцевыми занавесками и мебелью красного дерева имела балкон, выходивший на реку. Главными ее украшениями были поставец для ликеров посередине комода и дагеротипы вдоль зеркала, изображавшие его

приятелей. В алькове помещался портрет масляными красками.

— Это мой дядя, — сказал Бувар.

И свеча в его руке осветила фигуру мужчины.

Рыжие баки полнили лицо, увенчанное прядью волос с завитком. Шею сжимали высокий галстук и три воротника: сорочки, бархатного жилета и черного фрака. На жабо предполагались брильянтовые запонки. Глаза оттянуты морщинами к щекам. Рот насмешливо улыбался.

Пекюше не удержался и сказал:

— Его легче принять за вашего отца.

— Это мой крестный, — небрежно ответил Бувар, тут же сообщив, что его нарекли при крещении Франсуа-Дени-Бартоломе.

Пекюше звали Жюст-Ромен-Сирил, и они были одного возраста: сорока семи лет. Это совпадение обрадовало их, но поразило, потому что они казались один другому гораздо старше. Затем они стали дивиться провидению, чьи пути подчас бывают чудесны.

— В самом деле, если бы мы сегодня не вышли прогуляться, то могли бы умереть, не познакомившись.

И, сообщив друг другу свои служебные адреса, они обменялись пожеланиями доброй ночи.

— Смотрите, не загляните к девицам! — крикнул Бувар с площадки лестницы.

Пекюше сошел по ступенькам, не ответив на эту вольную шутку.

На следующий день во дворе торгового дома братьев Декамбо «Эльзасские ткани», улица Отфейль, девяносто два, раздался крик:

— Бувар! Господин Бувар!

Тот высунул в окно голову и увидел Пекюше, который произнес еще громче:

— Я не болен! Я ее снял.

— Что?

— Ее, — сказал Пекюше, показывая на грудь.

Впечатления прошедшего дня, духота в комнате и усиленное пищеварение помешали ему спать, так что он не выдержал и сбросил фланелевую фуфайку. Наутро он вспомнил о своем поступке, не имевшем, к счастью, последствий, и пошел сообщить о нем Бувару, которого этот случай поднял в его мнении на огромную высоту.

Пекюше был сыном мелкого торговца и не знал своей матери, умершей в очень молодом возрасте. Его взяли из пансиона, когда ему было пятнадцать лет, и определили на службу к судебному приставу. Туда явились жандармы, и хозяин его был сослан на галеры. Это была жуткая история, приводившая его в ужас еще и теперь. Затем он перепробовал много профессий: аптекарского ученика, гувернера, счетовода на пакетботе Верхней Сены. Наконец один начальник отделения, прельщенный его почерком, пригласил его писцом. Умственные запросы, вызванные сознанием недостаточности его образования, будили в нем раздражение. Жил он совершенно одиноко, без родни, без любовницы. Воскресным его развлечением было наблюдать за общественными работами.

Самые отдаленные воспоминания Бувара переносили его на берега Луары, во двор одной фермы. Человек, приходившийся ему дядей, повез его в Париж, чтобы обучить торговому делу. Достигнув совершеннолетия, он получил в дар несколько тысяч франков. Тогда он женился и открыл кондитерскую. Через полгода супруга исчезла, захватив с собою кассу. Друзья, хороший стол, а главное — лень быстро довершили разорение. Но его осенила мысль извлечь пользу из своего красивого почерка; и в течение двенадцати лет он сидел на одном и том же месте у братьев Декамбо — «Эльзасские

ткани», улица Отфейль, девяносто два. Что касается дяди, пославшего ему когда-то на память знаменитый портрет, то Бувар даже не знал его местопребывания и ничего от него больше не ждал. Полторы тысячи ливров дохода и жалованье переписчика позволяли ему каждый вечер немного подремать в кофейне.

Таким образом, встреча их имела значение события. Они сразу же привязались друг к другу таинственными нитями. И в самом деле, чем объяснить симпатии? Отчего такая-то особенность, такое-то несовершенство, безразличные или противные в одном человеке, привлекательны в другом? То, что называется взрывом, наблюдается во всех страстях. Не прошло и недели, как они уже были на ты.

Часто приходили они друг за другом на службу. Лишь только появлялся один, другой запирал свою конторку, и они вместе отправлялись бродить по улицам. Бувар делал большие шаги, между тем как Пекюше, семена в своем сюртуке, шлепавшем его по пяткам, словно скользил на колесиках. Так же гармонировали между собою их личные вкусы. Бувар курил трубку, любил сыр, клал сахар в чашку. Пекюше нюхал табак, за десертом ел только варенье и пил кофе вприкуску. Один был доверчив, легкомыслен, щедр; другой — скрытен, раздумчив, бережлив.

Желая доставить удовольствие Пекюше, Бувар познакомил его с Барберу, бывшим коммивояжером, ныне — биржевиком. Это был очень славный малый, патриот, дамский угодник, любитель простонародных словечек. Пекюше остался им недоволен и повел Бувара к Дюмушелю. Этот писатель (он напечатал небольшой курс мнемоники) преподавал словесность в пансионе для молодых девиц, придерживался ортодоксальных взглядов и был серьезного поведения. Он показался Бувару скучным.